

ДРЕВНИЙ МИР ВО ВРЕМЕНА
ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ
КЛЕОПАТРЫ В 51 Г. ДО Р.Х.

Тебе, о Исида, мать моя, мстительница, сострадательная спутница и защитница во все дни моей жизни от начала и до того часа, когда ты пожелаешь узреть их конец, посвящаю я сию хронику своего земного пути. Тебе, даровавшей мне самую возможность писать, хранившей и оберегавшей написанное и взиравшей на меня, дочь твою, со снисходительным благоволением. Ибо ты подарила мне жизнь, я же, следуя твоей воле, придала этим дням форму и наполнила их своими деяниями. Ныне представляю их на суд твой — истинно и без измышлений. Суди меня, богиня, по делам рук моих и по сокровенным помыслам. Да будет тебе ведомо не только явленное миру, но и сокрытое глубоко в сердце.

Покорно и с надеждой вверяю я свои записи попечению твоему, молю тебя оберегать их и не позволить недругам стереть судьбу и дела дочери твоей из людской памяти.

Я седьмая Клеопатра из царствующего дома Птолемеев, царица, Владычица Обеих Земель; Теа Филопатор — богиня, любящая отца своего; Теа Неотреа — младшая богиня; дочь Птолемея Неос Дионис — Диониса Нового.

Я мать Птолемея Цезаря, Александра Гелиоса, Клеопатры Селены и Птолемея Филадельфа.

Я была женой Гая Юлия Цезаря и женой Марка Антония.

Молю тебя, о богиня, даровать твое покровительство сим письмам, дабы слова мои дошли до потомков.

ПЕРВЫЙ СВИТОК

ГЛАВА 1

Тепло. Ветер. Танцующие голубые воды, плеск волн. Я вижу, слышу, ощущаю их в блаженном спокойствии. Ощущаю даже легкий привкус соли на губах там, где на них попали мельчайшие брызги. А еще ближе чувствую обволакивающий, убаюкивающий запах матери — она прижимает меня к груди и своей ладонью прикрывает мои глаза от солнца. Лодка мягко колеблется, а мать баюкает меня, так что я покачиваюсь в двойном ритме. Это навеивает сон, а плеск воды вокруг словно оборачивает мой слух мягким успокаивающим одеялом. И вся я окружена заботой, любовью, лаской. Я помню. Я помню.

А потом... Воспоминание разорвано, перевернуто так же, как перевернулась лодка. Моя мать исчезла, а я барахтаюсь в воздухе, подхваченная чужими грубыми руками. Они схватили детское тельце так крепко, что мне трудно дышать. И плеск — совсем другой, страшный... Я до сих пор слышу этот всплеск и краткие удивленные крики.

Говорят, что я никак не могу этого помнить — мне не было и трех лет, когда мать утонула в гавани.

— Ужасный несчастный случай, да еще и в такой спокойный день, как это вообще могло случиться? Может, лодку повредили? Или кто-нибудь толкнул?.. Да нет, просто она попыталась встать, поскользнулась, потеряла равновесие и упала в воду, а плавать-то она не умела, но мы тогда об этом не знали. Когда узнали, было слишком поздно. Почему же

она так часто выходила в море? Так ведь она любила все это, душенька, бедная царица, любила эти цвета и звуки...

Тогдашний ужас словно заключен в ярко-голубой шар: всплеск, брызги, истошные вопли служанок на борту лодки. Говорят, кто-то прыгнул в воду, чтобы помочь царице, и неудачливого спасателя затащило под днище следом за ней. Вместо одной жизни потеряны две. А еще говорят, будто я верещала, билась, норовила броситься за матерью — и бросилась бы, когда бы не сильные руки няньки, успевшей схватить меня.

Я помню, как меня уложили на спину и удерживали в этом положении так, что я видела лишь внутреннюю сторону балдахина. На ней отражалась блестящая голубизна воды, а я никак не могла освободиться от хватки чужих рук.

Испуганного ребенка следовало бы успокоить, но они и не пытались. Все были слишком озабочены тем, чтобы не дать мне вырваться. Они уверяют, будто и этого я не могу помнить, но я помню. Помню себя вырванной из материнских рук, выставленной напоказ, распластанной в наготу на скамье прогулочной ладьи. Меня держали сильные руки, в то время как суденышко спешило к берегу.

Несколько дней спустя меня перенесли в большую гулкую комнату. Свет, кажется, лился туда со всех сторон, и так же со всех сторон веял ветер. Это комната внутри здания, но мне кажется, будто я нахожусь под открытым небом, ибо это особое помещение предназначено не для человека, а для божества: храм Исиды. Нянька подводит меня — а точнее, чуть ли не волочит за собой — по блестящему каменному полу к огромной статуе.

Постамент настолько велик, что мне трудно разглядеть само изваяние. Я вижу лишь две белые ступни и нечто, вздымающееся ввысь. Лицо теряется в тени.

— Положи цветы к ее ногам, — говорит нянька и дергает меня за руку, сжимающую букетик.

Мне жалко расставаться с цветочками и совсем не хочется куда-то их класть.

— Это Исида, — тихо говорит нянька. — Посмотри на ее лицо. Она смотрит на тебя. Она позаботится о тебе. Теперь она — твоя мать.

Неужели? Я пытаюсь рассмотреть лицо, но оно так высоко и далеко от меня. И оно совсем не похоже на лицо моей мамы.

— Отдай ей цветы, — подсказывает нянька.

Я медленно поднимаю руку и возлагаю свой маленький дар на краешек пьедестала, куда могу дотянуться. Потом смотрю вверх — в надежде увидеть, как статуя улыбается.

И воображаю себе эту улыбку.

Так, Исида, я стала твоей дочерью в тот день.

ГЛАВА 2

Мою покойную мать-царицу звали Клеопатрой, и я с гордостью ношу ее имя. Но я гордилась бы им в любом случае, ибо для истории нашей семьи это воистину великое имя, восходящее к сестре Александра Великого, с кем мы, Птолемеи, в родстве. Оно означает «Слава ее предкам». Я жила и царствовала, стараясь следовать этому завету. Все, что совершено мною, делалось ради сохранения наследия предков, ради Египта.

Все женщины в нашем роду носили имена Клеопатра, Береника или Арсиноя. Эти имена тоже из Македонии, откуда происходит наша семья. Моих старших сестер звали Клеопатра (нас было двое) и Береника, а младшую — Арсиноя.

Младшая сестра... Да, после меня родились и другие дети. Царю нужна супруга, и вскоре после безвременной кончины царицы Клеопатры отец взял новую жену, а та вскоре произвела на свет Арсиною. Позднее она родила еще двух сыновей («в браке» с ними я недолгое время состояла), а затем умерла, снова оставив отца вдовцом. Больше он жениться не стал.

Я не испытывала особой любви ни к новой жене отца, ни к сестрице Арсиное — младше меня на три с небольшим года. С самого раннего детства ее отличали скрытность и лживость, к тому же она росла плаксой и ябедой. Правда, выглядела Арсиноя прелестно. При виде таких детей взрослые

искренне восклицают: «Ах, какие дивные глазки!» Это с колыбели придавало ей высокомерия. Она рассматривала красоту не как благословение, которое нужно ценить, но как силу, которую нужно использовать.

Клеопатра была старше меня лет на десять, а Береника — на восемь. Сестрам повезло — они прожили с мамой намного дольше меня; однако они вовсе не чувствовали себя обязанными благодарить судьбу. Старшая вечно казалась унылой и понурой; боюсь, я даже не смогу толком ее вспомнить. А Береника — та походила на быка: широкоплечая, с зычным голосом, с широкими плоскими ступнями и тяжелой поступью. Ничто в ней не напоминало нашу прародительницу Беренику Вторую, правившую двести лет назад вместе с Птолемеем Третьим: она вошла в историю в качестве сильной правительницы, а поэты воспевали ее красоту. Трудно представить себе поэта, способного вдохновиться нашей краснолицей, неуклюжей, вечно пыхтящей Береникой.

Я росла отцовской любимицей и наслаждалась сознанием этого. Не спрашивайте меня, откуда дети узнают подобные вещи; они всегда знают, как бы родители ни старались скрыть свои предпочтения. Может быть, я уже тогда чувствовала, что другая Клеопатра и Береника слишком дурны собой, и не могла представить, что кто-то отдаст им предпочтение передо мной? Однако мое первенство в сердце отца сохранилось и после того, как расцвела красота Арсиной. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, в чем дело: лишь я одна испытывала к нему искреннюю привязанность.

Так оно и было; я признаю это честно, но неохотно. Весь остальной мир (включая его собственных детей) считал отца либо комичным, либо достойным сожаления, либо одновременно тем и другим. Он был красивым стройным мужчиной, от природы мечтательным и нервным, он легко выходил из себя и раздражался по пустякам. Люди осуждали его за то, что по натуре он был не столько правителем, сколько артистом — флейтистом и танцором; его считали ответст-

венным за бедственное положение в стране. Но если первое действительно являлось свойством его личности, то второе — не его вина. Ко времени восхождения отца на престол Египет уже прочно сжали челюсти Рима. Чтобы сохранить хотя бы формальную независимость, пришлось совершить множество недостойных деяний: использовать низкопоклонство и лесть, устранить родного брата, расходовать колоссальные средства на взятки и подкупы и даже ублажать потенциальных завоевателей при собственном дворе. Это, естественно, не способствовало народной любви к царю и не укрепляло его власть. Удивительно ли, что отец искал спасения в вине и музыке Диониса, своего божественного покровителя. Но чем сильнее он стремился уйти от действительности, тем больше вызывал презрение.

Помню великолепный пир, устроенный отцом в честь Помпея Великого. Тогда мне почти исполнилось семь, и я хотела наконец-то увидеть римлян, *настоящих* римлян (то есть опасных, а не безобидных купцов или ученых, что появлялись в Александрии по личным делам). Я настойчиво уговаривала отца позволить мне присутствовать на пиру — благо умения льстить и добиваться своего у меня хватало. Он почти всегда уступал, если, конечно, я не выходила за пределы разумного.

— Мне так хочется посмотреть на них! — настаивала я. — Знаменитый Помпей — как он выглядит?

Все трепетали перед Помпеем, недавно обрушившим свою военную мощь на наши земли. Он подавил грандиозный мятеж в Понте, затем вторгся в Сирию и, захватив остатки некогда могущественной державы Селевкидов, сделал этот край римской провинцией.

Римская провинция. Казалось, целый мир становится римской провинцией. Долгое время Рим — который находился далеко от нас, по другую сторону Средиземного моря — был ограничен ближними пределами; но постепенно,

словно гигантский спрут, он протянул свои щупальца во всех направлениях. Он захватил Испанию на западе, Карфаген на юге, потом Грецию на востоке. Он рос и набухал. Чем более раздувалось его чрево, тем сильнее возрастал его аппетит, делаясь ненасытным.

Маленькие царства вроде Пергама не могли утолить его голод. Куда лучше для этого подходили остатки древних владений Александра. Некогда три полководца Александра выкроили из его державы для себя и своих потомков три царства: Македонию, Сирию и Египет. Потом их осталось два. Затем и Сирия пала. Устояло лишь одно царство: Египет. Доходили слухи, будто бы для римлян настало время аннексировать Египет, и особенно рьяным сторонником этого является Помпей. С целью умаслить Помпея и убедить его отказаться от этого намерения отец послал свою конницу, чтобы помочь Риму раздавить Иудею, нашего ближайшего соседа.

Да, не могу не признать — постыдный шаг. Неудивительно, что отца презирали его собственные подданные. Только вот вопрос: согласились бы они пасть под натиском римлян? В отчаянном положении отцу пришлось выбирать из двух зол, и он, как ему казалось, выбрал меньшее. Неужели египтяне предпочли бы большее зло?

— Помпей огромный, весь в ремнях, — сказал отец. — Немного смахивает на твою сестрицу Беренику.

При этом мы оба рассмеялись, как заговорщики. Потом смех затих.

— Помпей внушает страх, — добавил отец. — Всякий, обладающий столь великим могуществом, внушает страх, несмотря на обходительные манеры.

— Мне хочется его увидеть, — настаивала я.

— Пир продлится не один час, — возражал он. — Будет шумно, душно, и для тебя не найдется ничего интересного. Маленькой девочке не стоит туда идти. Вот станешь по-старше...

— Надеюсь, в будущем тебе не придется развлекать римлян, так что для меня это единственная возможность, — ответила я. — Если они и явятся к нам снова, то уже при других обстоятельствах. Будет не до пиров.

Отец бросил на меня странный взгляд. Сейчас я понимаю: он был удивлен, услышав такие слова от семилетней девочки. Но тогда мне показалось, что папа рассердился и хочет отказать мне.

— Ладно, так и быть, — промолвил он. — Но раз уж ты хочешь присутствовать, ты не можешь просто сидеть да глазеть. Изволь вести себя наилучшим образом. Мы должны любым способом убедить Помпея, что пребывание нашего рода на египетском престоле наиболее выгодно для Рима.

— Мы?

Неужели он имел в виду?.. Ведь я была третьим ребенком, хотя в то время еще не родились мои братья.

— Мы, Птолеми, — уточнил отец.

Но кажется, от него не укрылось, что он мимоходом заронил во мне надежду.

Мой первый пир. Думаю, каждому ребенку из царской семьи полезно написать риторическое сочинение с таким названием, ибо пиры в жизни правителей имеют особое значение: это сцена, где царь разыгрывает пьесу своего правления. Первый пир, как и случилось со мной, всегда ослепляет и завораживает. Лишь с годами, когда их несчетная череда сливается воедино, ты постигаешь их подлинный смысл и цену. Но тот, первый, запечатлелся в памяти навсегда.

Все началось с ритуала (увы, он очень скоро стал для меня рутинным) торжественного облачения. Разумеется, у каждой царевны есть служанка, которая занимается ее нарядами; но при мне, по малолетству, эти обязанности исполняла моя старая нянька, не слишком хорошо разбиравшаяся в пиршественных облачениях. Она нарядила меня в первое попавшееся платье. Главное, что оно было свежим, чистым и выглаженным.

— Ты должна сидеть неподвижно, чтобы платью не помялось, — приговаривала нянька, расправляя юбку. Помню, материя была голубая и довольно жесткая. — Полотно легко морщится. Смотри, никаких шалостей, никакой возни! Порой ты ведешь себя как мальчишка, а сегодня это недопустимо. Сегодня ты должна вести себя как царевна.

— И как это?

Признаться, в новом наряде я чувствовала себя закутанной, точно мумия — ведь их тоже заворачивают в полотно. Я даже начала немного жалеть о том, что захотела побывать на пиру.

— С достоинством. Когда кто-нибудь заговорит с тобой, поверни голову, но *медленно*. Вот так. — Она плавно повернула голову, потом опустила веки. — И опусти глаза, скромно.

Нянька помолчала, затем продолжила:

— Не кричи, слова произноси тихо и нежно. Не спрашивай без конца: «Что?» Так делают варвары. Римляне вполне на это способны, — хмуро добавила она, — но тебе не следует брать с них пример. — Она слегка повозилась с моим воротником, выправляя его. — И если кто-нибудь выскажется грубо и упомянет какую-нибудь неприятную тему вроде налогов, чумы или преступного сброда, ты не должна отвечать. Такие вещи не годится обсуждать на пиру.

— А если я увижу, что скорпион собирается кого-нибудь ужалить? Предположим, прямо на плече Помпея сидит ярко-красный скорпион, уже поднявший жало, — могу я сказать об этом? — Вопрос я задаю вполне искренне: мне хочется уяснить правила. — Ведь скорпион — это неприятная тема. Но могу я затронуть ее в таких обстоятельствах?

Она смутилась.

— Ну, наверное... Да какой скорпион! Не может быть на плече Помпея никакого скорпиона. Ох, несносная девчонка, вечно ты что-нибудь придумываешь, — ласково проворчала она. — Надо надеяться, что ни скорпионов, ни чего-либо другого, способного испортить настроение гостю, на пиру не окажется.

— А может, мне стоит надеть диадему? — спросила я.

— Нет, — ответила няня. — Что за странная мысль? Ты не царица.

— А разве нет диадем для царевен? Мы должны носить *что-нибудь* на голове. У римлян есть лавровые венки, верно? И у атлетов тоже.

Она наклонила голову набок, призадумавшись.

— Мне кажется, лучшее украшение для девочки — ее волосы. У тебя они чудесные, так зачем портить их чем-то еще?

Нянька всегда очень внимательно относилась к моим волосам, полоскала их в ароматизированной дождевой воде и расчесывала гребнями из слоновой кости. Она научила меня гордиться своими косами, но сегодня вечером мне очень хотелось выглядеть необычно.

— Но что-то должно выделять нас, царскую семью. Мои сестры...

— Твои сестры постарше, им так подобает. Когда тебе будет семнадцать или пятнадцать, как Беренике, ты тоже сможешь носить подобные вещи.

— Пожалуй, ты права.

Я сделала вид, будто согласилась, и дала ей расчесать мои волосы, прибрать их назад и скрепить заколкой, после чего невинно сказала:

— Все хорошо, только вот лоб какой-то голый, нет даже ленты. Скромный узкий обруч — вот что было бы в самый раз.

Она рассмеялась:

— Дитя, дитя, дитя! Какая же ты у меня неумная! — (Я видела, что она готова смягчиться.) — Может быть, очень маленький золотой обруч. Но пусть он весь вечер напоминает тебе о том, что ты царевна.

— Конечно, — пообещала я. — Я не сделаю ничего неподобающего. Даже если римлянин рыгнет или украдет золотую ложку, спрятав ее в салфетку, я сделаю вид, будто ничего не заметила.